3. Благотворительный фонд «Материнство» : [Электронный ресурс] : [сайт]. — Режим доступа: http://materinstvo.org/articles/polygamy.php
Blagotvoritel'nyj fond «Materinstvo» : [Jelektronnyj resurs] : [sajt]. — Rezhim dostupa: http://materinstvo.org/articles/polygamy.php
4. *Голод, С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. — СПб. : Петрополис, 1998. — 272 с.
Golod, S. I. Sem'ja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz / S. I. Golod. — SPb. : Petropolis, 1998. — 272 s.
5. *Дармодехин, С. В.* Государственная семейная политика: методология, теория, практика / С. В. Дармодехин. — М. : ФГУ «Гос. НИИ семьи и воспитания», 2006. — 240 с.
Darmodehin, S. V. Gosudarstvennaja semejnaja politika: metodologija, teorija, praktika / S. V. Darmodehin. — M. : FGU «Gos. NII sem'i i vospitanija», 2006. — 240 s.
6. Детско-родительские отношения в семье [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://poisk-ru.ru/s53883t4.html
Detsko-roditel'skie otnoshenija v sem'e [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://poisk-ru.ru/s53883t4.html
7. *Мердок, Дж. П.* Нуклеарная семья [Электронный ресурс] / Дж. П. Мердок // Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаева. — М., 2003. — Гл. 1. — С. 18—44. — Режим доступа: https://lib.sale/antropologiya-istoriya/nuklearnaya-semya.html
Merdok, Dzh. P. Nuklearnaja sem'ja [Jelektronnyj resurs] / Dzh. P. Merdok // Social'naja struktura / per. s angl. A. V. Korotaeva. — M., 2003. — Gl. 1. — S. 18—44. — Rezhim dostupa: https://lib.sale/antropologiya-istoriya/nuklearnaya-semya.html
8. *Соловьев, Н. Я.* Брак и семья сегодня / Н. Я. Соловьев. — Вильнюс, 1977. — 256 с.
Solov'ev, N. Ja. Brak i sem'ja segodnja / N. Ja. Solov'ev. — Vil'njus, 1977. — 256 s.
9. *Харчев, А. Г.* Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. — М.,1979.
Harchev, A. G. Brak i sem'ja v SSSR / A. G. Harchev. — M.,1979.
10. *Шнейдер, Л. Б.* Семейная психология : учеб. пособие / Л. Б. Шнейдер. — М. : Акад. проект, 2006. — 768 с.
Shnejder, L. B. Semejnaja psihologija : ucheb. posobie / L. B. Shnejder. — M. : Akad. proekt, 2006. — 768 s.

Организация семьи как социального конструкта и проблема отношений в семье

Отношение к семье и представление о ней

А. А. Реан, И. А. Коновалов, М. А. Новикова

Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением

В статье анализируются представления просоциальных и асоциальных подростков о семье. Особенности представлений о семье рассматриваются как состоящие из выделения наиболее значимого члена семьи, специфики отношения к своей семье, оцениваемой через призму готовности респондентов в будущем создать семью, похожую на родительскую. Анализируются представления просоциальных и асоциальных подростков о нормах, принятых в обществе в отношении семьи и деторождения. Данные приводятся в контексте половой принадлежности испытуемых, состава семьи и наличия/отсутствия проявлений девиантного поведения. Полученные результаты актуальны в рамках существующих тенденций современного родительства.
Ключевые слова: семья, подростковый возраст, асоциальные подростки, современное родительство.

Восприятие подростком своей семьи во всем многообразии ее характеристик выступает системой отсчета как актуальной, так и последующей жизни подростка. Сегодня данный тезис выглядит более чем актуальным: как в мире, так и в России происходит существенное *увеличение разнообразия родительских практик и форм взаимодействия ребенка с родителями*. Следствием данного процесса является «размывание» принятых образцов родительства и воспитательных практик, принятых в семье [9]. На смену традиционным формам воспитания приходит «новое родительство» как некоторый тренд, характерный для среднего класса, специфической чертой которого становится при-

нятие установки на то, что *родительство и доверительное общение с детьми — самостоятельная ценность, значимая «здесь и сейчас»* [7].

К внешним признакам названной тенденции М. Л. Майофис и И. В. Кукулин [7] относят изменения детского книгоиздания (качественные и количественные), бурный рост мероприятий, рассчитанных на совместное участие родителей с детьми (данная тенденция существует преимущественно в крупных городах), восприятие диалогических, доверительных отношений с детьми как важного элемента «жизненного стиля» преуспевающего человека, увеличение спроса на семейные психологические консультации, причем не только для «проблемных», но и для «благополучных» семей, которым интересны новые формы совместного проведения досуга или улучшение внутрисемейных отношений.

Указанные тенденции во многом характеризуют «благополучные» форматы родительства. С одной стороны, диверсификация образцов родительства явно может способствовать повышению осознанности тех или иных принимаемых в рамках практики воспитания решений, с другой стороны, утрата универсальных образцов повышает уровень *неопределенности*, с которой сталкивается родитель, и, как следствие, его тревогу о последствиях принятия тех или иных решений.

В качестве доказательной основы к последнему утверждению можно привести результаты исследования, опубликованного в сборнике «Семья и деторождение в России» [12]. В рамках этой работы рассматривались различия в восприятии процесса воспитания воцерковленными и невоцерковленными родителями. Авторы утверждают, что воцерковленные родители испытывают в процессе воспитания значимо меньший уровень тревоги. Предлагается следующая интерпретация: отсутствие тревоги и страха связано с наличием достаточно четкой системы представлений, регламентирующих воспитание у воцерковленных респондентов по сравнению с невоцерковленными, которые, в свою очередь, ввиду большого разнообразия предлагаемых моделей воспитания вынуждены принимать риск, осознанно избирая ту или иную модель родительской практики [12]. В принципе такая интерпретация вполне соответствует психологическим представлениям о тревоге и страхе как переменных, зависящих от степени неопределенности ситуации.

В то же время не теряет своей актуальности как в научном, так и в практическом аспекте вопрос изучения связи специфики родительских практик и социализации подростка по отклоняющемуся типу, т. е. выяснение семейных условий, способствующих развитию данного негативного феномена. Позиции родителей и ребенка в своем взаимодействии образуют единую систему: многие теории социального развития подчеркивают важность двунаправленного влияния, в котором рассматривается *влияние социальной среды на ребенка* и признается, что ребенок *формирует свое социальное окружение* [14].

Следовательно, можно предположить, что воспитательные практики родителей асоциальных подростков будут существенно отличаться от описанных выше благополучных форм. Например, на материале множества исследований установлена взаимосвязь применения физических наказаний к ребенку в детстве с высоким уровнем агрессии, проявляющейся в поведении ребенка в подростковом возрасте [15].

Описанная выше воспитательная практика — физическое наказание — стремительно теряет свою популярность среди современных родителей. По данным «Левада-центра», если в 2013 г. применять телесные наказания были готовы 45 % респондентов, то в 2015-м — 38 %, а в 2017-м — 32 % [5]. От-

метим, что, несмотря на снижение частоты физических наказаний, достаточно большое количество родителей готовы осуществлять указанный подход к воспитанию.

Выяснение «репертуара» наиболее распространенных воспитательных практик является важнейшей и актуальной задачей, однако в рамках нашего исследования такая задача не стоит. В рамках нашей статьи описанные выше тенденции обусловливают контекст и актуальность изучения *представления о семье в сознании подростков* как в норме, так и асоциальных. Можно также с некоторой вероятностью утверждать, что представление подростка о семье как раз и является показателем эффективности и успешности родительских практик, принятых в семье. В пользу данной точки зрения также свидетельствует утверждение о том, что именно *психосоциальная*, а не структурная *деформация семьи является основным семейным фактором развития девиантного поведения подростка* [10; 11].

Иными словами, *представление ребенка, и в частности подростка, о семье выступает своеобразным медиатором социализации и поведения ребенка в обществе*. Отдельным феноменом, требующим изучения, является способ репрезентации данного образа у подростка. Как таковая задача рефлексии специфики собственной семейной ситуации ни в образовательной практике, ни в семейной явным образом не регламентирована; в связи с этим стоит отметить, что сам факт ответов на вопросы о семье в некотором роде «запускает» и организует процесс рефлексии. Указанные вопросы специфики непосредственной репрезентации образа семьи подростку и особенностей коммуникации со сверстниками на тему семьи в рамках нашей статьи рассматриваются лишь в теоретическом контексте.

Актуальность исследования представлений подростков о семье не в последнюю очередь обусловливается существованием так называемого «цифрового разрыва» между современными родителями и подростками [13]. Авторы убедительно показывают, что включенность во взаимодействие в Сети является существенным фактором, вносящим свой вклад во взаимоотношения между поколениями. И в этом плане подтверждается положение, что специфика представления подростка о своей семье — явление, во многом культурно-исторически обусловленное. Одним словом, появление описанных выше тенденций в изменении культуры родительства обусловливает актуальность изучения представлений подростков о семье.

В рамках ряда исследований установлено, что *представление подростка о семье, и в частности о родителях, является важнейшим предиктором рисков дальнейшего благополучия подростка*. Так, в работе Н. Л. Васильевой [3] были рассмотрены образы родителей в связи с такими личностными характеристиками, как тревожность, депрессивность, агрессивность и уверенность в себе. Было установлено, что характер образов родителей связан с указанными выше характеристиками. Было также показано, что организующую роль в выстраивании индивидуально-психологической реальности играет тревожность.

В рамках исследования А. Н. Алехина, А. В. Локтевой, Е. А. Дубининой [1] обнаружена взаимосвязь особенностей представления о родителях и склонности к алкоголизации у подростков: девушки описывают мать как отвергающую и эмоционально отгороженную, а юноши тяжело воспринимают давление со стороны родителей, что выражается в обострении реакции эмансипации.

Образ родителей обретает определенную специфику в связи с наличием/отсутствием интернет-зависимости у ребенка: подростки, склонные уделять чрезмерное время активности в Сети, несмотря на наличие в целом по-

ложительного отношения к родителям, чаще воспринимают действия родителей (в частности, отцов) как непоследовательные, а контроль со стороны матери трактуют во враждебном по отношению к ним ключе [4].

Образ родителей и представления о семье — явления, тесно связанные, но не идентичные друг другу.

В рамках данной статьи приводится анализ ответов подростков на следующие вопросы:

1. Кто из Вашей семьи оказал на Вас наибольшее влияние?
2. Как Вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака?
3. Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?

Данные рассматриваются в контексте половой принадлежности испытуемых, состава семьи и наличия/отсутствия проявлений девиантного поведения.

Таким образом, особенности представлений о семье в рамках нашего исследования рассматриваются как состоящие из выделения наиболее значимого члена семьи (вопрос № 1), специфики отношения к своей семье (вопрос № 3). Можно также считать, что косвенно данный вопрос является показателем принятия своей семьи и во многом характеризует специфику эмоционального отношения к своей семье в целом. Вопрос № 2 касается специфики представления о нормах, принятых в обществе в отношении рассмотрения семьи и деторождения.

Последний вопрос получает свою актуальность в контексте имеющих место социальных тенденций: среди молодых людей возрастает число пар, предпочитающих сожительство официальной регистрации брака [2; 6]. А. В. Артамонова и Е. С. Митрофанова, анализируя феномен сожительства в структуре брачного поведения в Российской Федерации по данным исследований «РиДМиЖ» (панельное социально-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе») и «ЧСО» (обследование «Человек, семья, общество» проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС), констатируют, что «в выборках обследований присутствуют респонденты, воспитывающие ребенка или даже двух в незарегистрированных союзах. В более молодых поколениях происходит “утолщение прослойки” таких людей. В этих случаях сожительство следует считать альтернативой браку» [2. С. 12]. Авторы также отмечают, что существенно увеличивается роль сожительства как «пробной версии брака», что является наиболее распространенной формой существования данного феномена [2].

В задачи нашего исследования входило выяснение отношения современных подростков (группа нормы и группа склонных к асоциальному поведению) к семье, в которой они выросли, к вопросу рождения детей вне зарегистрированного брака, а также выяснение связи специфики ответов на вышеуказанные вопросы с переменными пола, семейного состава и наличия/отсутствия девиантности.

Выборку исследования составили 5 673 подростка из населенных пунктов с разной численностью населения (от городов-миллионников до пгт) Российской Федерации. Возрастной состав выборки: 14 лет — 0,4 %, 15 лет — 9,1 %, 16 лет — 49,9 %, 17 лет — 37,5 %, 18 лет — 2,3 %, старше — 0,8 %. Состав выборки по полу: женский — 57,9 %, мужской — 42,1 %. Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением составила 114 человек, из них 70 юношей, 44 девушки. Средний возраст — 15 лет и 8 месяцев.

Статистическая обработка была проведена в R (v.3.4.1). При сопоставлении групп асоциальных и просоциальных подростков для уравнивания вы-

борок производилась процедура формирования случайной подвыборки просоциальных подростков, по размеру сопоставимой с выборкой асоциальных подростков (N = 114).

Полученные результаты и их интерпретация

Данные об отношении подростков к членам семьи и о влиянии членов семьи на них

По вопросу: «Кто из Вашей семьи оказал на Вас наибольшее влияние?» — по общей выборке (N = 5 623) получены следующие результаты (рис. 1): наиболее значимым членом семьи как у девушек (66 %), так и у юношей оказалась мать (45 %), для юношей чуть менее популярным ответом является «отец» (36 %), в свою очередь, 15 % девушек указали отца как члена семьи, оказавшего наибольшее влияние. Ответы «бабушка» и «дедушка» для юношей оказались равнозначными (по 6 %). Для девушек картина несколько иная: 10 % девушек указали оказавшим наибольшее влияние членом семьи бабушку и 3 % — дедушку. Старшего брата или сестру выбрали 6 % девушек и 7 % юношей. Связь выбора оказавшего наибольшее влияние члена семьи с полом испытуемого является значимой (X-squared = 417.04, df = 4, p-value < 2.2e-16).

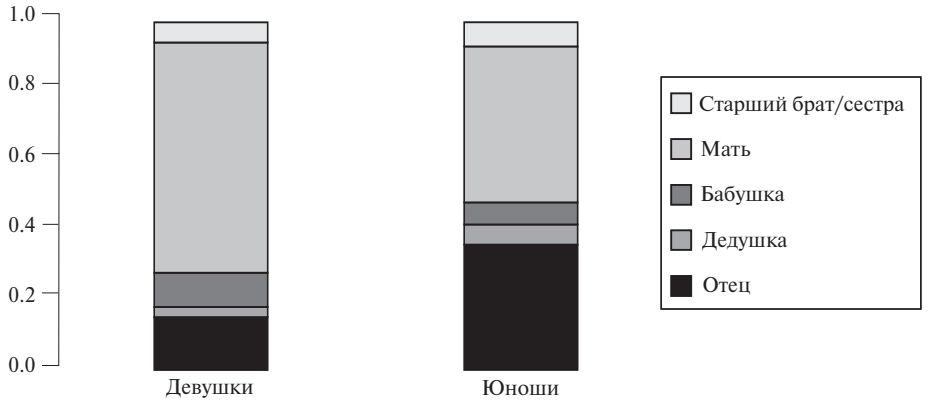

Рис. 1. Норма. Кто из Вашей семьи оказал на Вас наибольшее влияние? (N = 5 623) (в %)

Полученные данные свидетельствуют о безоговорочном *преобладании значения матери* по сравнению с другими членами семьи в *представлении современных подростков*. Однако, согласно нашим данным, существуют гендерные различия: для мальчиков-подростков отец является гораздо более значимой фигурой, нежели для девочек, а мать относительно менее значимой. Схожая, но не идентичная картина наблюдается в отношении бабушек и дедушек: девушки чаще выбирают прародителя своего пола (10 % против 3 %). В случае юношей подобные различия не наблюдаются.

Влияние отца является второстепенным вне зависимости от пола ребенка (по сравнению с матерью). Представляется, что большой вклад в подобную картину вносят сложившееся в нашей стране на протяжении нескольких поколений (начиная с периода революции и гражданской войны) распределение ролей в вопросах воспитания детей. По сравнению с традиционной патриархальной семьей, роль отца в вопросах воспитания детей неуклонно снижалась, вплоть до практически полного его «оттеснения» на периферию семейной

системы [8]. Не последнюю роль в этом сыграло и большое число неполных семей, в которых традиционно воспитательные роли были отданы матери и ее родителям, в основном бабушке. Полученные данные говорят о том, что в жизни дочерей отцы присутствуют куда меньше, чем в жизни сыновей. Вероятно, в этом проявляется сложившийся в нашем обществе стереотип, согласно которому «нужен отец» в гораздо более критичной степени мальчику, чем девочке. Постулируется, что это важно с точки зрения обучения мальчика «мужским формам поведения», ручному труду, спортивным навыкам и т. д. Не умаляя важности роли отца в воспитании мальчиков, хотим отметить, что психологи давно пришли к однозначному выводу о том, что присутствие отца в жизни дочери является нисколько не менее значимым. Возможность взаимодействия с родителем противоположного пола задает основу построения романтических отношений, отношений в паре во взрослой жизни.

По выборке девиантных подростков (N = 114) получены следующие результаты (рис. 2): 48 % девушек и 47 % юношей назвали мать оказавшим наибольшее влияние членом семьи. Отца в таком качестве отметили 23 % юношей и 16 % девушек. Бабушку назвали в качестве оказавшего наибольшее влияние члена семьи 13 % юношей и 11 % девушек. Дедушку — 13 % юношей и 5 % девушек. Старшего брата/сестру отметили 20 % девушек и 4 % юношей. Связь между показателями пола и предпочтениями в выборе наиболее оказавшего влияния члена семьи выражена лишь на уровне статистической тенденции (X-squared = 9.3419, df = 4, p-value = 0.0531).

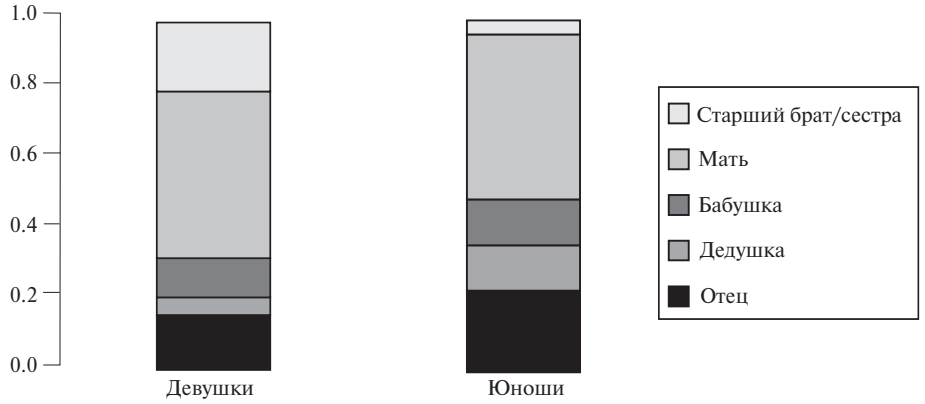

Рис. 2. Девиантные. Кто из Вашей семьи оказал на Вас наибольшее влияние? (N = 114) (в %)

Несмотря на тот факт, что полученные по данному вопросу результаты не являются статистически значимыми, мы можем описать некоторые наблюдаемые тенденции, которые могут быть рассмотрены в качестве гипотез для дальнейших исследований.

С одной стороны, можно констатировать, что *для девиантных подростков оказавшим наибольшее влияние членом семьи является мать.* Что касается отца, то, в отличие от выборки обычных подростков, мы не наблюдаем существенного преобладания влияния данного члена семьи на мальчиков-подростков: по сравнению с группой «нормы» по отношению к сыновьям здесь отцы более дистантны. Без использования дополнительных вопросов невозможно сделать выбор в пользу одной из множества причин такого положения вещей.

Вполне вероятно, что подростки с девиантным поведением воспитываются в семьях, где родители (или один из родителей, и в подавляющем большинстве случаев именно отец) страдают от алкогольной или наркотической зависимости или же отбывают наказание в местах лишения свободы. Также вероятность того, что отец находится в разводе с матерью (или вовсе не состоял с ней в браке) и соответственно стабильного контакта с семьей и ребенком не имеет, кажется для данной группы более высокой. В семьях данной группы подростков более значимыми родственниками оказались бабушки и дедушки: вероятно, родители выполняют свои воспитательные функции в меньшей степени, и их место занимает старшее поколение.

Данные об отношении подростков к рождению детей вне зарегистрированного брака

Ответ на вопрос: «Как Вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака?» (рис. 3) — вызвал затруднения у 30 % юношей и 28 % девушек. О нормальном отношении к данному вопросу заявили 41 % юношей и 32 % девушек. Данное утверждение показалось неприемлемым 29 % юношей и 40 % девушек. Связь между полом испытуемого и отношением к рождению детей вне зарегистрированного брака является значимой (X-squared = 89.019, df = 2, p-value < 2.2e-16).

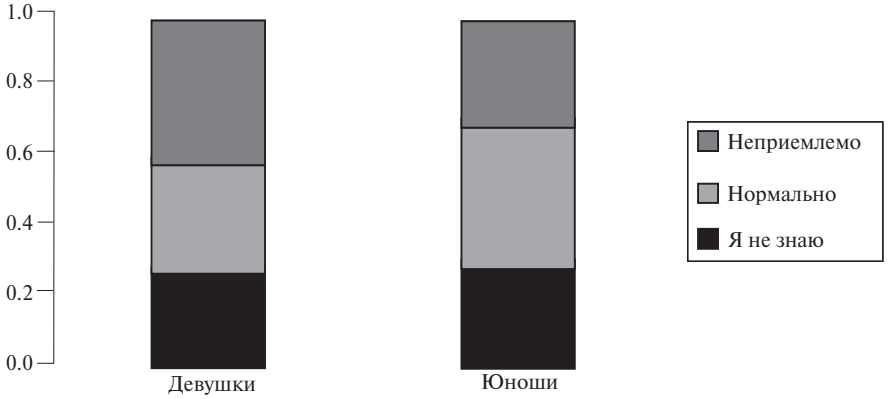

Рис. 3. Норма. Как Вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака? (N = 5 623) (в %)

На основе наших данных можно констатировать, что мальчики-подростки являются несколько более терпимыми в отношении к вопросу рождения детей вне зарегистрированного брака (41 % против 32 %).

По выборке девиантных подростков (рис. 4) затруднения ответ на данный вопрос вызвал у 20 % юношей и 20 % девушек. Нормальное отношение отметили 41 % юношей и 30 % девушек. Указанное в вопросе положение дел признали неприемлемым 50 % девушек и 39 % юношей. На выборке девиантных подростков статистически значимой связи между полом испытуемого и предпочтениями в ответе на сформулированный выше вопрос не установлено (X-squared = 1.8593, df = 2, p-value = 0.3947).

При сравнении ответов на этот вопрос, данных респондентами из различных групп (рис. 5), стоит отметить, что 43 % из группы «норма» и 42 % из группы «девиантные» выразили неприемлемое отношение к рождению детей вне зарегистрированного брака; 38 % девиантных подростков, участвующих

в исследовании, указали, что рождение детей вне брака является нормальным, аналогично ответили 25 % респондентов из группы «норма». Затруднились с ответом 32 % респондентов из общей выборки подростков и 20 % девиантных. Связь наличия/отсутствия девиантности и предпочтения выбора одного из вариантов ответа является значимой (X-squared = 6.5376, df = 2, p-value = 0.03805). Отметим, что для проведения адекватной статистической оценки была сформирована подвыборка ответов респондентов из группы «норма», выделенная случайным образом и равная по количеству числу испытуемых в группе «девиантные» (N= 114).

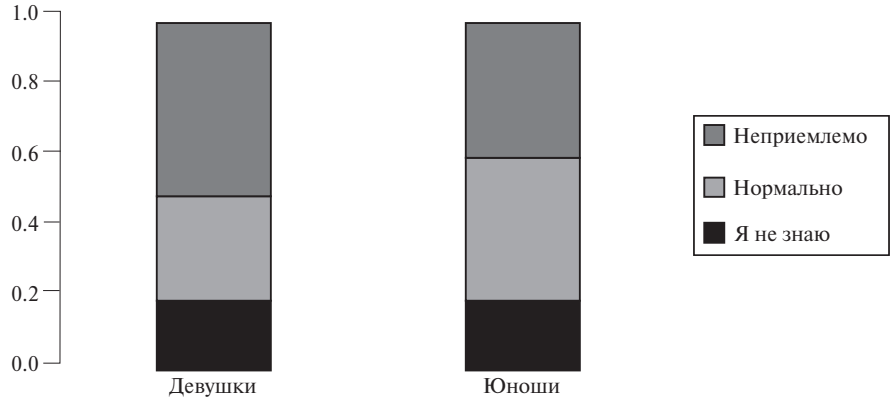

Рис. 4. Девиантные. Как Вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака? (N = 114) *(*в %)

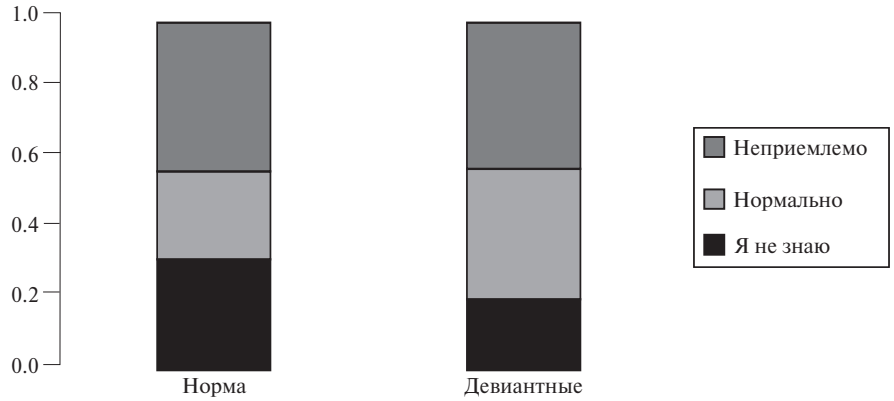

Рис. 5. Как Вы относитесь к рождению детей вне зарегистрированного брака? Норма — Девиантные (N = 228) (в %)

Таким образом, уровень неприемлемого отношения к рождению детей вне зарегистрированного брака оказался одинаковым в обеих выборках. Однако *обычные подростки*, по сравнению с девиантными, согласно нашим данным, отнеслись к ответу на данный вопрос с *существенно большей степенью сомнения* (32 % против 20 %).

Данные об отношении подростков к возможной будущей семье

Интерпретация данного результата, на наш взгляд, не может быть полной без понимания того, в пользу какой альтернативы склоняются сомневающиеся подростки. Если же исходить из положения о том, что сомнение отражает полную равнозначность обеих предложенных альтернатив, тогда напрашивается вывод, что *у подростков с девиантным поведением в меньшей степени сформирована модель семьи, в том числе в ее аспектах, связанных с деторождением* (рис. 6).

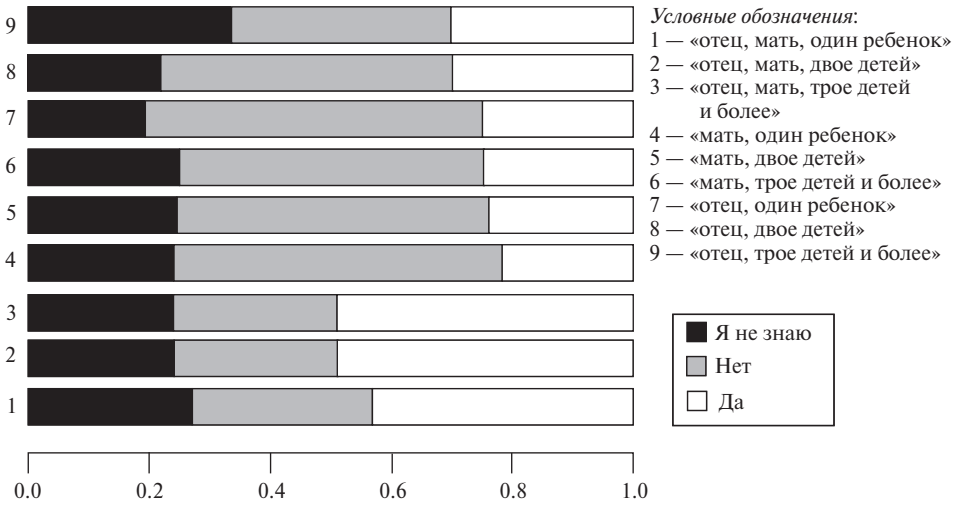

Рис. 6. Норма. Ответы на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» — в соотнесении с семейным составом испытуемых (N=5 673) (в %)

Респонденты из полных семей (категории «1», «2», «3») чаще приводили положительный ответ на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» Ответ «да» дали 43 % респондентов из полных семей с одним ребенком, по 49 % респондентов из полных семей с двумя детьми и тремя и более детьми. Ответ «нет» предпочли 30 % респондентов из полных семей с одним ребенком, 28 % респондентов из полных семей с двумя детьми и 27 % респондентов из полных семей с тремя и более детьми. Затруднились с ответом около 25 % испытуемых в каждой из указанных выше групп.

Респонденты из неполных семей, проживающие с матерью (категории «4», «5», «6»), дали следующие ответы на указанный вопрос: положительно ответили 22 % респондентов из группы «мать, один ребенок», 24 % из группы «мать, двое детей» и 25 % из группы «мать, трое детей и более». Отрицательный ответ предпочли 55 % респондентов, проживающих с матерью без братьев и сестер, 52 % — с одним сиблингом, 50 % — с 2 и более братьями или сестрами. Затруднились с ответом порядка 24 % в каждой из групп респондентов, проживающих только с матерью.

Респонденты из неполных семей, проживающие с отцом (категории «7», «8», «9»), ответили на вопрос следующим образом: утвердительный ответ дали 25 % опрошенных из группы «отец, один ребенок», по 30 % респондентов из групп «отец, двое детей» и «отец, трое детей и более». Негативно отве-

тили 56 % опрошенных из группы «отец, один ребенок», 48 % — из группы «отец, двое детей» и 37 % — из группы «отец, трое детей и более». Затруднения данный вопрос вызвал у 19 % респондентов, проживающих только с отцом, у 22 % опрошенных, проживающих с отцом и братом/сестрой, и у 33 % респондентов, проживающих с отцом в многодетной семье.

Связь между составом семьи и желанием создать семью, которая будет похожа на ту, в которой человек вырос, является значимой (X-squared = 324.74, df = 16, p-value < 2.2e-16).

Таким образом, *наилучшим предиктором желания создать свою семью по образу и подобию родительской является воспитание ребенка в полной семье*, причем в случае, если у него (нее) есть один сиблинг или более, это желание становится даже выше. Вероятно, у детей, которые растут в полных и сравнительно многочисленных семьях, формируется представление о важности близких эмоциональных связей, которое они хотели бы положить в основу и своей собственной семьи. Видно, что по мере увеличения количества братьев и сестер в семье усиливается и желание воссоздания такой же семейной структуры, а нежелание ее повторения, наоборот, падает.

В отношении неполных семей привлекают внимание следующие факты:

а) значимо более низкий процент желания повторения в своей семье семьи родительской;
б) увеличение желания похожести своей и родительской семьи по мере увеличения числа сиблингов в семье (тенденция та же, что и для группы полных семей);
в) независимость желания сходства собственной и родительской семьи от того, кто является воспитующим родителем (в случае неполной семьи — единственным) — отец или мать.

Рассмотрим ответ на аналогичный вопрос у испытуемых из выборки девиантных подростков (рис. 7).

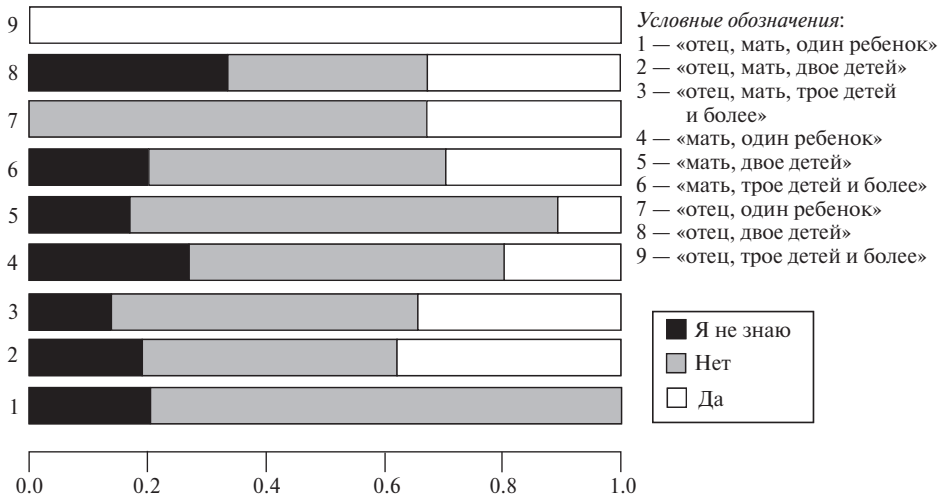

Рис. 7. Девиантные. Ответы на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» — в соотнесении с семейным составом испытуемых (N = 114) (в %)

Ввиду достаточно большого количества категорий и сравнительно небольшого объема выборки (вследствие чего испытуемые между группами распределены далеко не равномерно) статистически значимая связь между признаками, указанными на рис. 7, отсутствует. Однако мы можем охарактеризовать некоторые наблюдаемые тенденции.

Обратим внимание, что подавляющее большинство испытуемых дают отрицательный ответ на рассматриваемый вопрос. Исключение составляют респонденты из группы «отец, трое детей и более», однако отметим, что в данную категорию попал лишь один испытуемый. Интерес также вызывает распределение ответов испытуемых из полных семей: несмотря на наличие полной семьи, испытуемые в подавляющем большинстве не хотели бы, чтобы их будущие семьи были похожи на их актуальные семьи.

Можно предположить, что, даже будучи полными, семьи детей из группы с девиантным поведением не обладают теми важными характеристиками (к примеру, эмоциональной близостью, готовностью оказать поддержку и т. д.), которые важны для взрослеющего ребенка и подростка. Вкупе с возможными пагубными пристрастиями родителя (родителей) это формирует у детей нежелание повторения этого сценария в своем семейном будущем.

На предложенный вопрос утвердительно ответил 41 % опрошенных из группы «норма» и 26 % — из группы девиантных подростков. Отрицательно ответили 55 % девиантных подростков и 35 % подростков из группы «норма». Затруднились с ответом 19 % девиантных подростков и 24 % респондентов из группы «норма» (рис. 8).

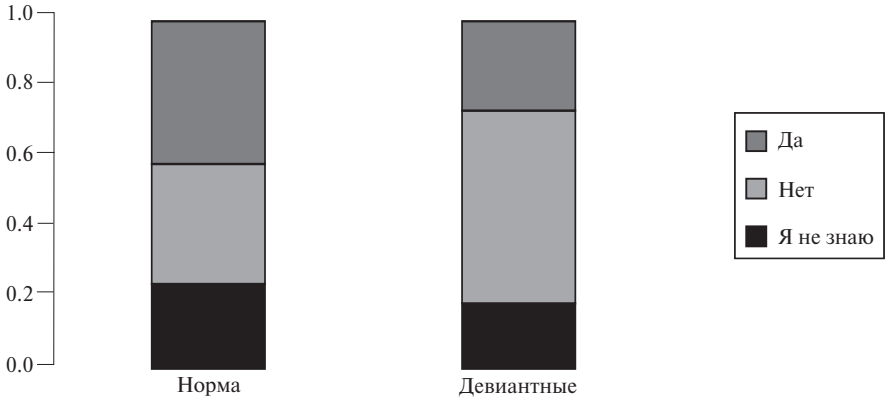

Рис. 8. Ответы на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?» — в соотнесении с выборкой испытуемых (N = 228) (в %)

Связь принадлежности к группе испытуемых (норма/девиантные) и выбора ответа на данный вопрос является статистически значимой (X-squared = 9.6392, df = 2, p-value = 0.00807).

У девиантных подростков желание создать семью, похожую на ту, в которой они выросли, является значимо меньшим.

На указанный вопрос положительно ответили 47 % юношей и 39 % девушек (рис. 9). Отрицательный ответ предпочли 28 % юношей и 37 % девушек, сомнения данный вопрос вызвал у 25 % юношей и 24 % девушек. Несмотря на небольшую разницу в ответах, связь пола испытуемых и предпочтений в выборе ответов на данный вопрос является значимой.

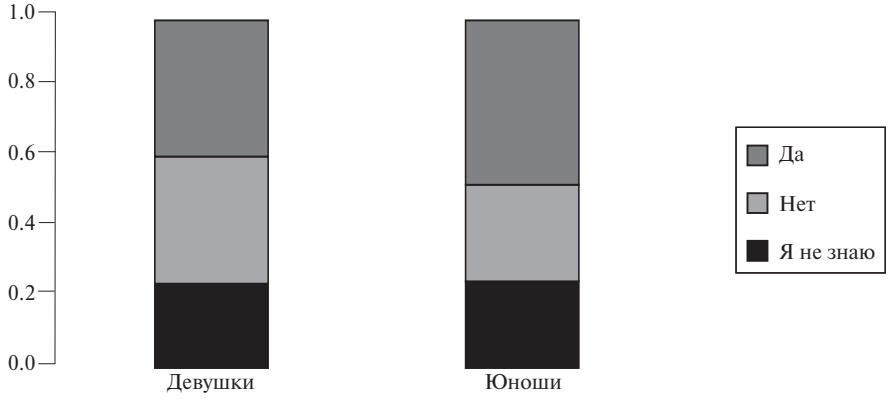

Рис. 9. Норма. Хотели бы Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли? (N = 5 673) (в %)

Интерпретации требует меньшее желание девушек повтора семейного сценария собственной родительской семьи по сравнению с юношами. На наш взгляд, девушки в большей степени погружены в неформальные аспекты внутрисемейного взаимодействия, больше размышляют об устройстве отношений между близкими, примеряя на себя разные варианты, больше склонны к рефлексии и переживанию отрефлексированного опыта. И в итоге они чаще остаются не удовлетворенными этим опытом. Поэтому больше ожиданий транслируется в отношении того, какую семью создадут девочки. Во многом это объясняется тем, что до сих пор ценность семьи в жизни женщины видится большей, чем в жизни мужчины. Перегруженность подобными ожиданиями также может выступать негативным фактором относительно желания повторения девочками сценария родительской семьи в собственной семейной жизни.

Выводы

В рамках нашей работы были выявлены гендерные отличия среди просоциальных подростков по вопросу: «Кто из Вашей семьи оказал на Вас наибольшее влияние?» *Фигура матери*, несмотря на *существенное преобладание по значимости среди подростков в целом*, отмечается юношами значимо меньше: современные подростки-мальчики (только в сравнительном плане с девочками) значимо чаще выбирают отца как члена семьи, оказавшего наибольшее влияние. При этом на выборке девиантных подростков значимых отличий не получено.

По отношению к рождению детей вне зарегистрированного брака также получены значимые отличия среди просоциальных подростков в контексте половой принадлежности испытуемых: ответы девушек значимо чаще свидетельствуют о неприемлемом отношении к данному явлению, в то время как большинство юношей считают данную ситуацию приемлемой.

Интересный факт зафиксирован в контексте сравнения мнения просоциальных и асоциальных подростков по вопросу отношения к рождению детей вне зарегистрированного брака: просоциальные подростки продемонстрировали значимо больший уровень сомнения при ответе на данный вопрос. Девиантные подростки чаще были склонны признавать рождение детей вне зарегистрированного брака как приемлемое явление.

Отметим также, что респонденты из полных семей (из выборки просоциальных подростков) значимо чаще отмечали желание создать семью, похожую на ту, в которой они выросли.

При сравнении просоциальных и асоциальных подростков выяснилось, что последние значимо реже желают в будущем создать семью, похожую на ту, в которой они выросли. Однако отметим некоторую *тревожную тенденцию*: несмотря на значимые различия между ответами асоциальных и просоциальных подростков по указанному выше вопросу, *среди просоциальных уровень не желающих создать семью, похожую на родительскую, или сомневающихся в этом также достаточно высок*.

По данному вопросу были также получены заслуживающие внимания результаты при сравнении ответов юношей и девушек (группа «норма»): юноши значимо чаще хотели создать семью, похожую на ту, в которой они выросли.

В целом вышеприведенные данные результатов проведенных исследований отражают реальные изменения ситуации функционирования современной семьи, позиций подростков в ней и отношения к ней. Характер этих изменений объективно обусловливается как особенностями развития семьи в современном обществе, так и изменением позиций ее членов, в частности, за счет расширения и усложнения их отношений (в значительной мере за счет распространения и внедрения в жизнь СМИ), в том числе нерегламентированных, а также за счет формирования новых позиций не только взрослых, но и подростков. Последние в сложной ситуации больших изменений в современном мире в определенной степени потеряли прежние ориентиры поведения в обществе, семье и отношения к действительности и к себе, в том числе в семье, которая остается пространством их жизни. Естественно, в этой ситуации актуализируется задача углубления отношений и поведения подростков, прежде всего в семье, но в контексте общих изменений, произошедших в обществе.

The article is dedicated to the analysis of family representations of adolescents with prosocial and antisocial behavior. Family image characteristics are estimated by choosing the most influential family member and willingness to start a family in future, which would be much like their parental family. Respondents' representations of child-bearing social norms are also studied. Data is analyzed in the context of respondents' gender, family structure and disposition to deviant behavior. The results gain their relevancein from the standpoint of contemporary parenting practices and strategies.

Keywords: family, adolescents, asocial behavior, modern parenting.

Литература

1. *Алехин, А. Н.* Образ родителей у подростков, склонных к алкоголизации / А. Н. Алехин, А. В. Локтева, Е. А. Дубинина // Тюмен. мед. журн. — 2014. — Т. 16, № 1. — С. 28—30.

Alehin, A. N. Obraz roditelej u podrostkov, sklonnyh k alkogolizacii / A. N. Alehin, A. V. Lokteva, E. A. Dubinina // Tjumen. med. zhurn. — 2014. — T. 16, № 1. — S. 28—30.

2. *Артамонова, А.* Сожительства без регистрации в России [Электронный ресурс] / А. Артамонова, Е. Митрофанова // Демоскоп Weekly. — 2016. — № 671—672. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2016/0671/demoscope671.pdf

Artamonova, A. Sozhitel'stva bez registracii v Rossii [Jelektronnyj resurs] / A. Artamonova, E. Mitrofanova // Demoskop Weekly. — 2016. — № 671—672. — Rezhim dostupa: http://demoscope.ru/weekly/2016/0671/demoscope671.pdf

3. *Васильева, Н. Л.* Исследование образов родителей / Н. Л. Васильева // Вопр. психического здоровья детей и подростков : науч.-практ. журн. психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. — 2012. — № 2. —С. 45—50.

Vasil'eva, N. L. Issledovanie obrazov roditelej / N. L. Vasil'eva // Vopr. psihicheskogo zdorov'ja detej i podrostkov : nauch.-prakt. zhurn. psihiatrii, psihologii, psihoterapii i smezhnyh disciplin. — 2012. — № 2. —S. 45—50.

4. *Водяха, Ю. Е.* Сравнительный анализ образа отца и образа матери у подростков с интернет-зависимостью / Ю. Е. Водяха // Пед. образование в России. — 2015. — № 1. — С. 119—123.

Vodjaha, Ju. E. Sravnitel'nyj analiz obraza otca i obraza materi u podrostkov s internet-zavisimost'ju / Ju. E. Vodjaha // Ped. obrazovanie v Rossii. — 2015. — № 1. — S. 119—123.

5. Детей стали меньше бить и больше контролировать [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/06/01/detej-stali-menshe-bit-i-bolshe-kontrolirovat/

Detej stali men'she bit' i bol'she kontrolirovat' [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.levada.ru/2017/06/01/detej-stali-mensche-bit-i-bolshe-kontrolirovat/

6. *Лактюхина, Е. Г.* «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России / Е. Г. Лактюхина, Г. В. Антонов // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2015. — Т. 18, № 4. — С. 82—95.

Laktjuhina, E. G. «My prosto zhivem vmeste»: sozhitel'stvo v sovremennoj Rossii / E. G. Laktjuhina, G. V. Antonov // Zhurn. sociologii i social'noj antropologii. — 2015. — T. 18, № 4. — S. 82—95.

7. *Майофис, М.* Новое родительство и его политические аспекты / М. Майофис, И. Кукулин // Pro et Contra. — 2010. — Т. 14, № 1-2. — С. 6—19.

Majofis, M. Novoe roditel'stvo i ego politicheskie aspekty / M. Majofis, I. Kukulin // Pro et Contra. — 2010. — T. 14, № 1-2. — S. 6—19.

8. *Олсон, Л.* Традиция, трансгрессия, компромисс : Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева ; пер. с англ. А. Зиндер. — М. : Нов. лит. обозрение, 2016.

Olson, L. Tradicija, transgressija, kompromiss : Miry russkoj derevenskoj zhenshhiny / L. Olson, S. Adon'eva ; per. s angl. A. Zinder. — M. : Nov. lit. obozrenie, 2016.

9. *Поливанова, К. Н.* Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] / К. Н. Поливанова // Психол.-пед. исследования. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 1—11. — Режим доступа: doi:10.17759/psyedu.2015070301

Polivanova, K. N. Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovanija [Jelektronnyj resurs] / K. N. Polivanova // Psihol.-ped. issledovanija. — 2015. — T. 7, № 3. — S. 1—11. — Rezhim dostupa: doi:10.17759/psyedu.2015070301

10. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон : монография / под ред. А. А. Реана. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 479 с.

Psihologija deviantnosti. Deti. Obshhestvo. Zakon : monografija / pod red. A. A. Reana. — M. : JuNITI-DANA, 2016. — 479 s.

11. *Реан, А. А.* Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения / А. А. Реан // Нац. психол. журн. — 2015. — № 1. — С. 3—8.

Rean, A. A. Sem'ja kak faktor profilaktiki i riska viktimnogo povedenija / A. A. Rean // Nac. psihol. zhurn. — 2015. — № 1. — S. 3—8.

12. Семья и деторождение в России / И. В. Забаев [и др.]. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2012.

Sem'ja i detorozhdenie v Rossii / I. V. Zabaev [i dr.]. — M. : Izd-vo PSTGU, 2012.

13. *Солдатова, Г. У.* «Цифровая» ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Мир психологии. — 2017. — № 1. —С. 134—143.

Soldatova, G. U. «Cifrovaja» situacija razvitija mezhpokolencheskih otnoshenij: razryv i vzaimodejstvie mezhdu podrostkami i roditeljami v Internete / G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova // Mir psihologii. — 2017. — № 1. —S. 134—143.

14. Do sensitive parents foster kind children, or vice versa? : Bidirectional influences between children's prosocial behavior and parental sensitivity / E. K. Newton [et al.] // Developmental Psychology. — 2014. — Vol. 50, № 6. — P. 1808—1816.

15. Reciprocal relations between parents' physical discipline and children's externalizing behavior during middle childhood and adolescence / J. E. Lansford [et al.] // Development and Psychopathology. — 2011. — Vol. 23, № 1. — P. 225—238.

В. М. Розин

Две семейные сферы современного человека: обычная семья и его психика (гипотеза, навеянная осмыслением книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана»)

В статье анализируется история формирования множественной личности. Автор показывает, что каждая самостоятельная «личность», входящая в состав множественной личности, на самом деле представляет собой обособившийся и осознаваемый субъективно режим психики. Эти режимы складываются под влиянием как культурных сценариев, так и реализации сильных компенсаторных желаний индивида. В отдельных случаях подобные фантомные личности понимаются индивидом как принадлежащие его семье. Во второй части статьи автор делится своими впечатлениями относительно кризиса российской семьи и высказывает соображения по поводу того, как его можно не столько разрешить, сколько смягчить.

Ключевые слова: личность, индивид, психика, культура, режим, кризис, реализация, схема, сознание.